

ДОКУМЕНТЫ ЦК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ к истории первых дней Парижской Коммуны 1871 г.

Французский ежегодник 1971

М.: Наука. 1973. С.24-46

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В конце файла нами даны ссылки на тематические материалы

Среди многих проблем и вопросов, вставших перед Центральным комитетом Национальной гвардии тотчас же после прихода его к власти 18 марта 1871 г.¹, важное место заняли подготовка и издание правительственных официальных документов. На этом поприще приложили свой талант, инициативу и энергию многие деятели парижской революции, хотя и не имевшие опыта, но преисполненные благородной решимости отдать все свои силы и знания утверждению и защите народной власти.

В настоящей статье мы рассмотрим документы ЦК Национальной гвардии в двух аспектах: их издательские особенности и авторство программных документов.

Начнем с обстоятельств появления первых правительственных документов Центрального комитета в виде афиш 19 марта 1871 г. Как известно, 18 марта ни одна из революционных организаций Парижа не выступила с печатным документом, формулирующим цели и задачи революции — еще одно свидетельство, что она началась стихийно. Но в ходе восстания члены ЦК, стремясь придать ему организованный, планомерный характер, на одно из первых мест поставили задачу овладения правительственной печатью. Историк Морис Шури опубликовал интересный документ — записку члена ЦК Национальной гвардии Жоржа Арнольда, написанную им, по-видимому, около полудня 18 марта, по возвращении из штаб-квартиры Центрального комитета на улице Бафруа в свой X округ, к оставшемуся на дежурстве Асси. После характеристики соотношения сил, которое сложилось явно в пользу революции, Арнольд заключал: «Нам надо действовать. Надо захватить Кэ Д'Орсе, типографию. (подчеркнуто нами.— С. М.), префектуру полиции, Ратушу. Используем момент. Надо провести

¹ О деятельности ЦК Национальной гвардии имеется значительная литература. Из новых исследований отметим краткий, но содержательный анализ позиции и линии поведения ЦК с 19 по 28 марта 1871 г., данный Э. Терсаном и Ж. Дотри в коллективном труде французских историков-марксистов («La Commune de 1871». Sous la direction de Jean Bruhat, Jean Dautry et Emile Tersen. Paris, 1960, 2-e éd. rev. et complétée, 1970. Русское издание — «Парижская Коммуна 1871 года». М., 1964) и работу А. З. Манфреда «ЦК Национальной гвардии 1871 г.— первое революционное правительство рабочего класса», самое название которой отчетливо отражает позицию автора (А. З. Манфред. Очерки истории Франции XVIII—XX вв. М., 1961, стр. 191—243; см. также: «История Парижской Коммуны 1871 года». М., 1971, стр. 222—272). А. З. Манфред подробно анализирует политические и социальные преобразования ЦК Национальной гвардии, в том числе и те, которые в дни его власти лишь намечались и нашли свое выражение уже в деятельности Коммуны. В работе проводится сопоставление ЦК Национальной гвардии — временного революционного правительства и Парижской Коммуны как по существу однородных, но не тождественных организаций, и делается попытка всесторонне проанализировать характер, природу и форму власти ЦК Национальной гвардии, ее роль в исторических событиях 1871 г.

полную чистку»². Итак, захват типографии намечался среди первоочередных задач, до захвата префектуры полиции и Ратуши. Речь шла, разумеется, о Национальной типографии (большом по тому времени производственном комплексе на ул. Вьей дю Тампль, № 87), являвшейся основной базой для издания правительственных документов в виде афиш. Само обозначение ее на издании уже придавало последнему в определенном смысле официальный характер. Намечая захват Национальной типографии, члены ЦК Национальной гвардии, вне сомнения, делали это целенаправленно, отчетливо представляя себе его последствия и смысл, который мог быть только одним — получение базы для издания документов нового, революционного правительства. Так думали, разумеется, далеко не все члены Центрального комитета. Многое делалось чисто интуитивно, но именно в данном вопросе, как и в ряде других, была проявлена та революционная решительность и предусмотрительность, без которых не могла быть одержана победа.

Напомним по аналогии, что в сентябре 1917 г. В. И. Ленин, разрабатывая план вооруженного восстания, предлагал руководящим органам партии большевиков «сразу взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии»³. Но то, что в 1917 г. осуществлялось в соответствии с заранее разработанным гениальным планом вооруженного восстания, в 1871 г. проводилось в гораздо меньшем масштабе, на отдельных участках, как инстинктивно подсказанное самой логикой революционной борьбы, самим ходом восстания, возможные последствия которого подчас осознавались постепенно, в ходе его успешного осуществления.

18 марта во второй половине дня 86-й батальон Национальной гвардии во главе с Пенди и Дебоком занял Национальную типографию⁴. Несмотря на саботаж администрации типографии, Дебок и его товарищи подготовили все необходимое для издания документов ЦК Национальной гвардии⁵.

На следующий день, 19 марта, когда, по образному выражению Лефрансэ, даже «солнце стало коммунаром»⁶, прогревая Париж теплыми весенними лучами, парижане смогли уже читать афиши-возвещения Центрального комитета к народу и к Национальной гвардии, расклеенные во многих местах города к 12 часам дня⁷. Вскоре появилась и третья афиша — решение ЦК о назначении выборов в Коммуну на 22 марта. Там, где

² Цит. по: *M. Choury. La Commune au coeur de Paris. Paris, 1967, p. 175.* Русское издание — *М. Шури. Коммуна в сердце Парижа. М., 1970, стр. 204.*

³ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 282.*

⁴ Поль Шове, ссылаясь на досье Дебока в Национальном архиве, указывает, что батальон прибыл в типографию в 2—3 часа пополудни. См. *P. Chauvet. Les ouvriers du livre en France. De 1789 à la constitution de la Fédération du Livre. Paris, 1956, p. 320.* По Лиссагарэ, резюмировавшему сообщение Дебока о Национальной типографии, это было в 5 часов вечера. *Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871. Paris, 1947, p. 404.* См. также: *M. Choury. Op. cit., p. 179, note 4.* В показаниях же члена ЦК Национальной гвардии Адольфа Буи о ходе событий в XX округе указано, что «только в пять часов по приказу Центрального комитета организуются и спускаются в Париж несколько батальонов, одни по направлению к Ратуше, другие — чтобы захватить Национальную типографию». Цит. по: *J. Rougeie. Procès des Communards. Paris, 1964, p. 47.*

⁵ По-видимому, не вся типография оказалась сразу под контролем Дебока. Если верить современнику-реакционеру Одебрану, то в Национальной типографии одновременно в одном цехе печатали первый документ ЦК Национальной гвардии, а в соседнем заканчивали набор последней прокламации прежнего правительства. См. *Ph. Audebrand. Histoire intime de la révolution du 18 mars. Comité central et Commune. Paris, 1871, p. 80.*

⁶ *G. Lefrançais. Souvenirs d'un révolutionnaire. Bruxelles. s. a., p. 468.*

⁷ Из современников только Лиссагарэ отмечал, что первые афиши Национальной гвардии появились в 2 часа дня. См.: *Lissagaray. Op. cit., p. 91.* На самые ранние часы их появления — 11 часов утра — указывалось в *[E. Loudun]. «Journal de Fidus», t. II. Paris, 1889, p. 405.*

еще вчера висели провокационные листки Тьера, теперь можно было прочитать мужественные и волнующие строки о победе народа. Но не только содержание афиш говорило о происшедших переменах. Их внешний вид также обращал на себя внимание: афиши были отпечатаны на белой бумаге с указанием, что они изданы в Национальной типографии, — два момента, которые уже сами по себе вызывали ассоциацию с государственной властью, правительством. Ведь согласно правилам, регламентировавшим издание афиш во Франции, только афиши, издаваемые от имени государственной власти и администрации, могли печататься на белой бумаге; афиши общественно-политических организаций и частных лиц издавались на цветной бумаге.

Белый цвет афиш, подписанных членами ЦК Национальной гвардии, произвел 19 марта большое впечатление на современников. К. Мендес рассказывал, как он направился в этот день к улице Друо, предвидя появление афиш: «Действительно, сколько афиш! И представьте себе, белых афиш. Это показывало, что Париж имел правительство, так как белый — это официальный цвет даже при красной республике»⁸. Современник Коммуны, составитель первых библиографий по ее печати, буржуазно-либеральный журналист Майяр писал о членах ЦК: «Их имена внизу белых афиш останавливают одних, возмущают других, но поражают всех»⁹. Лиссагарэ свидетельствовал: «Со времени 10 августа 1871 г. Париж не видел такого пришествия неизвестных. И тем не менее к их афишам проявляется уважение»¹⁰. Историк Лепеллетье, который в данном случае выступает скорее как очевидец событий, отмечал: «К полудню перед афишами, расклеенными с поспешностью, образовались группы. Никакой демонстрации. Ни энтузиазма, ни враждебности; только удивление: афиши были белыми. Это было воспринято как знак власти. Еще не знали, какой. Подходили, чтобы прочитать и узнать»¹¹.

На издательские особенности афиш ЦК немедленно отреагировала пресса. «К полудню расклеили две афиши Центрального комитета. Собирается толпа. Замечают, что они из Национальной типографии», — писала газета «Le Cri du Peuple» 21 марта. Аналогичных высказываний прессы и свидетелей событий можно найти немало¹². Для современников было очевидно, что афиши ЦК Национальной гвардии носили правительственный характер, что не только по содержанию, но и по форме издания они утверждали, что в Париже появилась новая власть — ЦК Национальной гвардии.

В решении до сих пор интересующего историков вопроса о том, насколько определенно и в каких границах ЦК Национальной гвардии рассматривал себя как новое правительство, нельзя сбрасывать со счета и это обстоятельство, которое до сих пор оставалось вне поля зрения исследователей. Именно белые афиши, напечатанные в Национальной типографии, были первым выразительным внешним свидетельством появления нового правительства. И если красный флаг над Ратушей 18 марта возвестил победу революции, то белые афиши, отпечатанные в Национальной типографии 19 марта, уже своим внешним видом говорили о том, что подписавший их Центральный комитет взял на себя правительственные функции¹³.

⁸ C. Mendès. Les 73 journées de la Commune. Paris, 1871, p. 13.

⁹ F. Maillard. Elections des 26 mars et 16 avril 1871. Affiches, professions de foi, documents officiels, clubs et comités pendant la Commune. Paris, 1871, p. 12.

¹⁰ Lissagaray. Op. cit., p. 91.

¹¹ E. Lepelletier. Histoire de la Commune de 1871, t. II. Paris, 1912, p. 12.

¹² См. «Le Rappel», 20.III 1871; «L'Opinion nationale», 20.III 1871.

¹³ Избранная 26 марта Парижская Коммуна продолжила традицию издания правительственных афиш на белой бумаге. Она опиралась при этом на специальное решение ЦК Национальной гвардии от 29 марта 1871 г. (афиша № 36), согласно которому право издавать афиши на белой бумаге принадлежало только «коммунальной власти».

Обнародование документов ЦК 19 марта имело и другое значение. Первые три афиши ЦК Национальной гвардии с текстами его документов, написанных и опубликованных сразу же после победы революции, явились первыми образцами печати Коммуны как революционной печати нового типа. Ее задачи определялись качественно новой политической ситуацией, при которой революционная печать, отбросив привычную для нее роль оппозиционной силы, стала рупором правительства рабочего класса, его опорой, фактором, укрепляющим его позиции.

В этом смысле 19 марта собственно печать Коммуны была представлена только афишами Центрального комитета. Те несколько революционных газет, которые вышли в этот день, еще не успели ни поместить материалы о совершившейся революции, ни выразить своего отношения к ней¹⁴. Что касается газеты «*Journal officiel de la République Française*», то утром 19 марта она была еще в руках бежавшего в Версаль правительства и содержала его последние прокламации, полные дезинформации и угроз революционному Парижу. Как справедливо заметил Жак Дюкло, «Центральный комитет совершил ошибку, не заняв в ночь на 19 марта редакцию «*Journal officiel*», хотя это было вполне возможно»¹⁵. Но днем 19 марта Э. Лебо во главе трех отрядов Национальной гвардии занял помещение ее редакции и типографии, и газета перешла в руки нового правительства. 20 марта в 9 часов утра в газетных киосках продавался очередной номер газеты (№ 79)¹⁶, который, внешне ничем не отличаясь от предыдущего, начинал собой совершенно новое издание — первый в истории печати официальный орган правительства рабочего класса — ЦК Национальной гвардии, а затем Парижской Коммуны.

Надо полагать, что Центральный комитет сознательно воспользовался привычным для населения видом официальной информации с целью укрепления своих позиций как временного революционного правительства, но не исключено, что привычный внешний вид «*Journal officiel*» сохранялся лишь временно, окончательное же решение вопроса оставалось на усмотрение Парижской Коммуны, избрание которой Центральный комитет считал своей основной миссией¹⁷. Так или иначе, но важно отметить, что ЦК Национальной гвардии, движимый революционным инстинктом, без заранее продуманного плана, сумел в очень сжатые сроки взять на вооружение уже существующие традиционно-привычные формы официальной печати, вложив в них совершенно новое, революционное содержание. Факт

и муниципалитетам». Но и ЦК Национальной гвардии, уже не находясь у власти, продолжал, вопреки своему же решению, издавать афиши на белой бумаге (причем 10 из них были отпечатаны в Национальной типографии), что вызывало резкое осуждение со стороны многих деятелей Коммуны, видевших в этом посягательство на правительственные prerogatives Коммуны. Небезынтересно отметить, что редактор орлеанистской газеты «*Paris-Journal*» Э. Эрве, пытаясь объяснить в своих показаниях следственной комиссии Национального собрания авторитет Коммуны в широких кругах парижского населения, включая буржуазию, приводил в числе аргументов и тот факт, что афиши Коммуны издавались на белой бумаге. См.: «*Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871*». Paris, 1872, p. 251.

О значении афис в печатной пропаганде Коммуны см. С. М. Маневич. Официальная печать Парижской Коммуны. — «Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», № 22. М., 1972, стр. 92—104.

¹⁴ Только газета «*L'Ouvrier de l'Avenir*» поместила под рубрикой «В последний час» небольшую заметку Эвлетта, дававшую некоторое представление о событиях 18 марта.

¹⁵ Ж. Дюкло. На штурм неба. Парижская Коммуна — предвестница нового мира. М., 1963, стр. 87. См. также: E. Lepelletier. Op. cit., t. II, p. 59 et suiv.

¹⁶ Газета «*Paris-Journal*» писала в связи с этим: «Многочисленные группы собираются на углу улиц Монмартр и Дроу. Читают вслух и комментируют декреты из «*Officiel*». Цит. по: A. Balathier Bragelonne. Paris insurgé. Paris, 1872, p. 58.

¹⁷ Как известно, вопрос о названии «*Journal officiel*» обсуждался на заседаниях Коммуны 30 марта и 28 апреля. В результате было решено сохранить прежнее название официального печатного органа. Этим подчеркивалось, что Коммуна — правительство всей Франции, а не муниципальная власть одного только Парижа.

появления в 1871 г. правительственной печати рабочего класса знаменателен в истории революционной печати. Он не имел прецедента, как не имела его и сама Коммуна — первый опыт пролетарской диктатуры.

В «*Journal officiel*» было опубликовано подавляющее большинство документов ЦК Национальной гвардии, предназначенных для печати. Если их все суммировать, то можно насчитать примерно 80 документов¹⁸, в которых нашли свое отражение и общие вопросы политики, и первые шаги практической деятельности временного революционного правительства. Конечно, не все документы, не все решения Центрального комитета были сразу же опубликованы. Но и то, что нашло отражение в печати, свидетельствует о плодотворной деятельности, которую развернули представители народа, взяв власть в свои руки. Публикация документов временного революционного правительства способствовала его популярности среди широких масс Парижа, подготавливала успешное проведение выборов в Коммуну. Конструктивное начало пролетарских и общедемократических преобразований, проявившееся в деятельности Центрального комитета и нашедшее свое непосредственное выражение в его документах, получило дальнейшее развитие в деятельности Коммуны.

В свете интересующей нас темы документы временного революционного правительства (в том числе за подписью не только членов ЦК, но и других деятелей революции, назначенных на руководящие посты) можно разделить на две количественно примерно равные категории: 1) напечатанные одновременно в «*Journal officiel*» и в виде афиш, 2) напечатанные только в газете. В принципе, по-видимому, все наиболее важные документы должны были публиковаться не только в «*Journal officiel*», но и в виде афиш. Об этом свидетельствует и то, что тексты афиш публиковались в официальной части газеты, и то, что, как правило, все документы за коллективной подписью Центрального комитета были изданы в виде афиш.

Публикация документов ЦК в виде афиш была налажена в Национальной типографии в относительно короткий срок и довольно четко. Мы не будем останавливаться на тех внутренних и внешних трудностях, — а их было немало, — которые пришлось преодолеть новому руководству Национальной типографии¹⁹. Луи Гийом Дебок, сам по профессии типографский наборщик, участник февральской революции 1848 г., активный защитник интересов рабочих во время Второй империи, член Интернационала, проявил большой организаторский талант в налаживании всего процесса издания и распространения афиш революционного правительства. Более того, политический кругозор и революционное чутье иногда позволяли

¹⁸ Кроме того, по меньшей мере четыре документа ЦК не были помещены в «*Journal officiel*», но были изданы Национальной типографией в виде афиш (№ 8, 26, 27, 35).

¹⁹ Постановление делегата ЦК Национальной гвардии при министерстве внутренних дел о смещении с должностей директора типографии Оро и его помощников было опубликовано в «*Journal officiel*» 23 марта 1871 г. Тем не менее Варлен отмечал на заседании Коммуны 30 марта 1871 г., что «со времени занятия Национальной типографии все усилия ее делегата изо дня в день натапливаются на злонамеренные действия ее администрации и директора», и предложил передать Национальную типографию в ведение министерства внутренних дел. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года», т. I. М., 1959, стр. 49.

Историк Наме опубликовал важный документ — запись в производственном журнале размышлений Дебока-сына о проведенных и намечавшихся реформах в типографии в связи с уходом из нее по наущению Версаля служащих и начальников цехов. Документ пронизан доверием к силам рабочих, уверенностью в их творческих возможностях. В основу реформ ставилась новая организация труда с привлечением рабочих к руководству производственным процессом. Намечалось упразднение бесполезных должностей, крупных окладов, штрафов и т. д. Символична заключительная фраза: «Все это сделает рабочих хозяевами положения, и что бы ни случилось, эти реформы останутся». G. Namei. L'Imprimerie nationale sous la Commune. — «Revue d'histoire économique et sociale», 1962. v. XL, N 3, p. 345 (статья написана главным образом на основании архива Дебока, хранящегося в библиотеке г. Руана).

Дебоку вносить редакционные поправки в их текст. Непосредственными помощниками Дебока были типографский наборщик член Интернационала Алавуан и Дебок-сын.

Издание афиш ЦК находилось в сфере внимания видных деятелей революции, таких, как Э. Варлен, Э. Моро, А. Арно, Ш. Лонге, П. Виар и др. Эжен Варлен, в частности, был озабочен тем, чтобы документы ЦК оперативно доводились до рабочих предместий Парижа. 22 марта он писал Дебоку: «Повсюду жалуются, что наши официальные афиши не расклеиваются на окраинах или же их там очень мало, и они расклеиваются поздно. Надо позаботиться, чтобы это исправить»²⁰.

С 19 по 29 марта Национальная типография издала около 40 афиш ЦК Национальной гвардии. Они составляли одну серию с общей порядковой нумерацией, которая продолжалась (с № 38) после провозглашения Коммуны²¹. Тираж каждой афиши был 6000—10 000 экземпляров²².

Афиши ЦК содержали документы самого различного плана. Это были декларации и воззвания общего характера в связи с победой революции 18 марта (№ 1, 2, 5, 22, 25), документы, непосредственно посвященные выборам в Коммуну (постановления и предвыборные воззвания — № 3, 10, 28, 30, 31, 37, специальные извещения — № 9, 14, 24, 26 bis, 27, 33, 35), распоряжения о баррикадах (№ 4, 8), о работе телеграфа (№ 6), о порядке сбора налогов (№ 16), заявления о необходимости революционной бдительности (№ 7, 26), обращения и распоряжения, касающиеся Национальной гвардии (№ 7, 12, 13), сообщение о прибытии в Париж делегаций из других городов (№ 20), прокламации об установлении Коммуны в Лионе (№ 32) и Тулузе (№ 34), документы об отношениях революционного правительства с командованием немецких войск (№ 11, 15), постановление, регламентирующее издание официальных афиш в Париже и категорически запрещающее расклейку в Париже афиш версальского правительства (№ 36)²³.

²⁰ Цит. по факсимиле автографа — «*Vie ouvrière*», 5 mai 1913, p. 539. Были трудности и другого характера. Контрреволюционеры, агенты Версаля, ожесточенно мешали расклейке афиш ЦК и где могли их срывали. Расклейщики афиш нуждались в вооруженной охране, о чем Дебок неоднократно сообщал в ЦК. См. G. Namet. Op. cit., p. 346 et suiv. На стенах Парижа продолжали появляться контрреволюционные афиши, иногда на белой бумаге. Сохранился документ от 23 марта 1871 г. за подписью делегата при бывшей префектуре полиции Р. Риго, в котором указано, что у некоего Герена захвачены 282 контрреволюционные афиши (ЦПА ИМЛ, ф. 230, ед. хр. 28/6). Однако это единственный известный нам случай, когда органы власти ЦК помещали вражеской пропаганде. В течение 10 дней появилось не менее 20 реакционных афиш, которые расклеивались рядом с афишами ЦК, проявлявшего непонятную терпимость к такому двусмысленному «сосуществованию». См.: «*L'Ordre*», 23.III 1871; «*Le Rappel*», 25.III 1871; «*La Commune*», 25.III 1871; Ph. Audebrand. Op. cit., p. 80.

²¹ В афишах № 1—7 порядковый номер не был указан, в афишах № 8—33 он указан в выходных данных (после названия типографии). Начиная с афиши № 34 номер обозначался в заголовке. № 26 проставлен на двух афишах. Анонотированный перечень серии афиш ЦК Национальной гвардии и Парижской Коммуны и сведения об их наличии в книгохранилищах Советского Союза см.: «Печать Первого Интернационала и Парижской Коммуны. Сводный каталог изданий, хранящихся в библиотеках СССР». Ротапринт. М., 1964. Ч. II. Печать Парижской Коммуны 1871 г. Составители: М. Н. Алексеева, С. М. Маневич, Е. М. Тейер. В дальнейшем изложении в ссылках на афиши приводятся издательские номера, что дает возможность ориентации в указанном каталоге, а также в факсимильном издании «*Les Murailles politiques françaises*» (I. P. Paris, 1874), без указания соответствующих страниц. Сведениями об афишах № 17, 18, 29 мы не располагаем.

²² См. M. Choury. Op. cit., p. 294. На сохранившейся корректуре афиши № 21 стоит виза Алавуана — напечатать 5000 экз., на корректуре афиши № 31 — виза Дебока-сына — напечатать 6000 экз. См. факсимиле этих корректур — G. Bourgin. *La guerre de 1870—1871 et la Commune*. Paris, 1939, p. 212, 217. По поводу тиража афиши № 28 делегат ЦК в министерстве внутренних дел А. Арно писал Дебоку: «Нам сообщают, что вы печатаете только 6000 экземпляров. Мы считаем это количество недостаточным. Его нужно удвоить...» Цит. по: G. Namet. Op. cit., p. 354.

²³ Отметим также две афиши, отпечатанные вне Национальной типографии. Обращение от 20 марта 1871 г. командующего Национальной гвардией по XVIII округу Ганье

Приведенный перечень афиш дает представление о многообразии вопросов, которые были объектом пристального внимания ЦК, и в то же время показывает основное направление его политической линии. Пять афиш — программные документы, в центре внимания которых был сам факт победы революции 18 марта, переход власти в руки народа; в них давалась оценка революции как революции народной и ставились ближайшие политические задачи, наиглавнейшей из которых провозглашалось избрание Коммуны. 13 афиш были непосредственно посвящены выборам в Коммуну. Таким образом, половина общего количества афиш в той или иной форме пропагандировала выборы в Коммуну, агитировала за них, информировала население Парижа о порядке их проведения. Следует также отметить, что вообще почти все материалы Центрального комитета, связанные с выборами в Коммуну, были опубликованы в виде афиш — еще одно свидетельство не только особого внимания ЦК к этой важной политической кампании, но и значения, которое придавалось афишам в ее успешном проведении ²⁴.

Публикации одних и тех же документов Центрального комитета в виде афиш и в официальном печатном органе имели некоторые отличия.

Афиши большей частью печатались по мере того, как текстовый материал для них поступал в Национальную типографию, т. е. они, возможно, с некоторыми отклонениями, но отражали последовательность составления самих документов. Хотя в ряде случаев известно, что газета «*Journal officiel*» получала тексты документов для печати одновременно с Национальной типографией, тем не менее в целом можно сказать, что документы, публиковавшиеся в виде афиш, становились известны населению раньше. Помимо того, что выпуск каждой афиши как издательской единицы осуществлялся гораздо быстрее, чем газеты, некоторое значение имела и недостаточно четкая организация работы редакции газеты. Последовательность расположения документов в пределах одного номера газеты также отличалась от афиш ²⁵.

Внешнее оформление документов ЦК, издававшихся в виде афиш (надзаголовок «*République Française*» крупными буквами, республиканский девиз «*Liberté—Egalité—Fraternité*» более мелкими, дата, подпись — большей частью с перечислением всего состава ЦК, наконец, выходные данные) придавало им известную законченность, даже некоторую торжественность. Эти же документы, напечатанные в «*Journal officiel*», выглядели менее выразительно. Надзаголовки, как правило, не воспроизводились, иногда опускалось и обозначение выпускающей организации, т. е. ЦК Национальной гвардии ²⁶. Расхождения в подписях были различного характера: в ко-

к национальным гвардейцам округа с признанием их заслуг в революции 18 марта было отпечатано типографией парижских секций Интернационала — «Всёобщее типографское товарищество Бертеlemi и К^о» («*Les Murailles politiques françaises*», t. II, p. 21), постановление уполномоченных при бывшей префектуре полиции Р. Риго и Э. Дювала от 25 марта, запрещающее азартные игры, — в типографии Букен (Ibid., p. 96).

²⁴ Активная деятельность ЦК Национальной гвардии по организации выборов в Коммуну совершенно очевидна. Нельзя поэтому согласиться с историком Домманже, упрекающим Центральный комитет за «нерешительность и осторожность» в провозглашении лозунга «*Vive la Commune!*» на том только основании, что этот лозунг отсутствовал в его прокламациях. См.: *M. Dommanget. Hommes et choses de la Commune. Marseille, s. a., p. 10.*

²⁵ В «*Journal officiel*» тексты афиш были опубликованы в следующем порядке: 20 марта — № 5, 1, 3, 2, 4; 21 марта — № 7, 6; 23 марта — № 15, 13, 12; 24 марта — № 16, 14; 25 марта — № 21, 23, 22, 25, 20, 24, 28, 10; 26 марта — № 32, 30, 26 bis.

²⁶ Заголовки документов не были единообразны: «*Le Comité central de la Garde nationale*» — афиши № 3, 4; «*Comité central*» — № 6, 14, 15, 16, 20, 21, 22, 26 bis, 27, 30, 31, 33, 34, 36; «*Fédération républicaine de la Garde nationale*» — № 7, 8, 9, 24, 25, 26; «*Fédération républicaine de la Garde nationale (Organe du Comité central)*» — № 5;

личестве перечисленных имен, в их инициалах и орфографии, в последовательности, не говоря уже о том, что в «Journal officiel» они иногда заменялись стандартным: «следуют подписи».

Отметим наиболее существенные случаи текстологических расхождений.

1. Заявление от 20 марта 1871 г. директора телеграфа Л. Комбаца.

В афише № 6: «Нас хотят обмануть. Все высшие чиновники и много низших находятся уже в Версале» («Tous les employés supérieurs et beaucoup de subalternes sont déjà à Versailles»).

В «Journal officiel» от 21 марта 1871 г.: «Нас хотят обмануть. Чиновники находятся в Версале — при короле» («Les employés sont à Versailles — avec le roi») ²⁷.

По-видимому, слова о короле в Версале написал сам Комбац; пылкий республиканец, он стремился подчеркнуть монархизм версальских реакционеров ²⁸. Однако руководство Национальной типографии, в отличие от редакции «Journal officiel», не стало печатать заведомую гиперболу и внесло разумную поправку.

2. Телеграмма ЦК Национальной гвардии от 22 марта 1871 г. главнокомандующему 3-м корпусом прусских императорских армий.

В афише № 15 телеграмма заканчивалась словами: «Условия прелиминарного мирного договора, обсужденные и принятые избранным для этого Национальным собранием, не будут поставлены под сомнение» («Les préliminaires de la paix, délibérés et votés par L'Assemblée nationale élue à cet effet ne sauraient être mis en question»).

В «Journal officiel» этот текст дан иначе: «Мы не имеем полномочий обсуждать условия прелиминарного мирного договора, принятые бордоским собранием» («Nous n'avons pas qualité pour discuter les préliminaires de la paix votés par l'Assemblée de Bordeaux»).

Кроме того, иначе сформулирована подпись. В афише: «Делегат Центрального комитета по внешним делам. Подписал Бурсье». В газете: «Центральный комитет и его делегат по внешним делам». Современники цитировали эту телеграмму не по афише, а по газете.

3. Постановление ЦК Национальной гвардии от 24 марта 1871 г. о назначении Брюнеля, Эда и Дюваля генералами и командующими вооруженными силами Парижа.

В афише № 21 постановление мотивировалось: «В связи с ухудшающимся час от часу положением города и необходимостью во что бы то ни стало спасти Республику» («Considérant que la situation précaire de la ville devient de plus en plus accentuée et qu'à tout prix il faut sauver la République»).

В «Journal officiel» этот текст сокращен: «В связи с тем, что положение требует принятия срочных мер» («Considérant que la situation réclame des mesures rapides»).

По сравнению с афишей формулировка газеты смягчала определение сложившейся в Париже политической обстановки ²⁹.

4. Предвыборная прокламация ЦК Национальной гвардии от 24 марта 1871 г., начинающаяся словами: «Граждане, причина наших разногласий кроется в недоразумении».

«Fédération républicaine de la Garde nationale (Comité central)» — № 10, 12, 13; «Fédération républicaine de la Garde nationale. Comité central» — № 35, 37. Последняя формулировка фигурировала на всех афишах ЦК, изданных после избрания Коммун.

²⁷ Газеты «La Commune» и «Le Cri du Peuple» перепечатали этот документ 22 марта из «Journal officiel», причем в «Cri du Peuple» сказано даже: «avec les rois».

²⁸ О Комбаце см.: B. Laurent. La Commune de 1871. Les postes, les ballons, le télégraphe etc. Paris, 1934.

²⁹ 26 марта газета «La Commune» перепечатала этот документ из «Journal officiel», газета «Le Cri du Peuple» — по тексту афиши.

В афише № 25 перед этим текстом дано обращение крупным шрифтом: «К нашим противникам» («A nos adversaires»). В «Journal officiel» это обращение отсутствует.

Переписанные случаи текстологических расхождений (возможно, что не все еще учтено нами) являлись результатом редакционной правки документов на завершающей стадии их подготовки к печати в Национальной типографии или в редакции «Journal officiel». Хотя эти расхождения не меняют основного содержания соответствующих документов и не влияют на их общую оценку, они представляют определенный источниковедческий интерес. Расхождения между текстами афиш и «Journal officiel» не контролируются третьим источником и поэтому, в сущности, оба они могут с одинаковым основанием считаться аутентичными.

Остановимся кратко на документах Центрального комитета, публиковавшихся только в «Journal officiel». К ним относятся документы общеполитического характера (передовые статьи³⁰, воззвания и заявления³¹), постановления, информационные материалы, распоряжения отдельных должностных лиц и т. п. Некоторые из этих публикаций по своему значению и характеру были аналогичны тем, что печатались одновременно в виде афиш. Почему они были опубликованы только в газете, сказать трудно. Вопрос о том, как революционная власть организовала, говоря современным языком, службу массовой информации, в частности, как распределялся материал между Национальной типографией (для издания в виде афиш) и «Journal officiel», не совсем ясен.

Публикация документов ЦК в виде афиш лимитировалась издательскими возможностями Национальной типографии, не говоря уже о том, что некоторые материалы ЦК по своему характеру более подходили для газеты. По мере увеличения масштабов деятельности революционного правительства становилось очевидным, что Национальная типография не могла удовлетворять растущие запросы на публикацию его документов. 26 марта Дебок писал в префектуру полиции Дювалю: «Я должен с сожалением признать, что не имею возможности отпечатать ваши афиши и бюллетени. Мы не успеваем даже для Ратуши»³². В тот же день в «Journal officiel» появилось извещение, приглашавшее делегатов ЦК и руководителей ведомств присылать «все сообщения, которые они считают нужным огласить», т. е. газета брала на себя в этом вопросе самые широкие обязательства. Естественно, что в эти бурные революционные дни отбор и распределение документов для печати не могли быть безупречно организованы. Просчеты были неизбежны. Имел значение и формальный момент. Из цитировавшейся выше записки Дебока Дювалю видно, что руководство Национальной типографии считало своей обязанностью публиковать прежде всего документы, поступавшие из Ратуши, т. е. непосредственно от ЦК Национальной гвардии. В частности, поэтому, по-видимому, не была отпечатана в виде афиши прокламация Дюваля — документ большого политического значения, с которым безусловно надо было широко ознакомить трудящихся Парижа.

³⁰ 20 марта — «К департаментам», 21 марта — «Революция 18 марта», 22 марта — «Париж имеет право», 27 марта — без заглавия.

³¹ 20 марта (неофициальная часть) — воззвание, которое в исторической литературе иногда называется призывом к единению (см. А. И. Молок. Парижская Коммуна в документах и материалах. Л., 1925, стр. 56); заявление о непричастности ЦК Национальной гвардии к расстрелу генералов Клемана Тома и Леконта; 21 марта (официальная часть) — воззвание за подписью делегата при бывшей префектуре полиции Э. Дюваля и его помощников; 21 марта (неофициальная часть) — воззвание «Коммунальные выборы» и вслед за ним воззвание без заглавия и подписи, опознать которое среди документов, опубликованных в «Journal officiel» в этот день, можно в сущности только по его месторасположению вслед за предыдущим, от которого оно отделено просто чертой.

³² Цит. по.: G. Namet. Op. cit., p. 355.

В отличие от афиш в «*Journal officiel*» в первые дни после революции 18 марта можно было увидеть материалы, которые, являясь, в сущности, официальными документами, внешне на таковые совсем не походили. Без заглавия, даты и подписи³³, без указания названия органа власти, от которого они исходили, разделенные только чертой, а то и просто расположенные в виде абзацев, они отнюдь не соответствовали традиционному представлению об официальном документе. В ряде случаев это была безликая информация, сообщение о принятых решениях, а не сами решения³⁴. Подобный подход к обнародованию правительственных постановлений можно объяснить не только отсутствием опыта, огромной спешкой, наконец, просто небрежностью, хотя все это также имело место. Главное же заключалось в том, что и для тех, кто их готовил к печати, и для читателей правительственный, официальный характер публикации определялся самим фактом помещения ее в «*Journal officiel*»³⁵.

* * *

При рассмотрении всех печатных документов и материалов ЦК Национальной гвардии, как изданных в виде афиш, так и опубликованных только в «*Journal officiel*», обращает на себя внимание относительно большое количество среди них документов общеполитического характера (примерно одна четвертая часть). Современники и историки называют их поразному (манифестами, декларациями, обращениями, заявлениями), но чаще всего прокламациями (воззваниями). Одни из них носили более общий, программный характер, другие были посвящены какому-нибудь отдельному вопросу, но всем им были присущи высокая гражданственность, революционный пафос, огромная сила убеждения. Призванный силой сложившейся ситуации к принятию ответственных решений, Центральный комитет пытался в этих документах выразить свою позицию, сделать ее понятной и близкой для народных масс³⁶.

³³ Примерно 10 документов вышли за подписью отдельных членов ЦК и должностных лиц.

³⁴ Характерным примером могут служить четыре абзаца в неофициальной части газеты от 20 марта 1871 г., в которых сообщалось о снятии осады в департаменте Сена, об упразднении военных судов в постоянной армии, об амнистии за политические преступления, об освобождении политических заключенных.

³⁵ По свидетельству Лепеллетье, традиция обращения населения к «*Journal officiel*» была столь сильна, что иногда в обычных разговорах для подтверждения истинности факта говорили: «C'est à l'Officiel! Cela devrait être à l'Officiel» (*E. Lepelletier. Op. cit., t. II, p. 63*). Отметим любопытный факт: 26 марта 1871 г. буржуазно-республиканская газета «*L'Avenir national*» выразила сомнения по поводу отношения ЦК к тексту афиш на белой бумаге, расклеенной в XVIII округе, поскольку этот текст не был напечатан в «*Journal officiel*».

³⁶ Психологическое объяснение стремления деятелей Парижской Коммуны столь часто выступать в эти дни с заявлениями программного характера в известной мере проясляется в словах Э. Рулье (рабочего-сапожника, исполнявшего в первые дни после революции 18 марта обязанности уполномоченного ЦК по министерству народного просвещения), воскликнувшего в беседе с Валлесом: «Добьемся мы своего или не добьемся? — Все равно!.. Главное успеть показать, чего мы хотели, если уж нельзя будет делать то, что мы хотим» (*Ж. Валлес. Инсургент. М., 1960, стр. 182*). Гастон Да Коста, однако, считал обилие воззваний недостатком в деятельности ЦК, видя в этом признак инертности, нежелания решать практические вопросы (*G. Da Costa. La Commune vécue, t. I. Paris, 1903, p. 134*). Аллеман с горечью писал: «Вместо быстрых и смелых действий, которые могли бы все спасти, составлялись великолепные прокламации к народу, к армии и т. д. и т. д. А в это время реакция организовывала сопротивление, забрасывала в Париж целую тучу шпионов, которые сумели в дальнейшем парализовать усилия лучших граждан и подготовить разгром рождающейся Коммуны» (*J. Allemane. Mémoires d'un Communeard. Paris, s. a., p. 25*). На такой же позиции стоял и Лепеллетье: «К сожалению, даже звучными воззваниями нельзя было надеяться задержать движение реакции на Париж. Будущее, очень близкое будущее, должно было показать бессилие и ничтожность пера в дуэли со снарядом» (*E. Lepelletier. Op. cit., t. II, p. 112*).

Политическая литература ЦК Национальной гвардии — сложное и оригинальное явление в истории революционной печати. Центральный комитет включал в свой состав представителей различных политических течений и групп, а также лиц, вообще не входивших ни в одну политическую группировку. В. И. Ленин писал о Парижской Коммуне: «Вначале это движение было крайне смешанным и неопределенным. К нему примкнули и патриоты, надеявшиеся, что Коммуна возобновит войну с немцами и доведет ее до благополучного конца. Его поддержали и мелкие лавочники, которым грозило разорение... Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы, опасавшиеся, что реакционное Национальное собрание («деревенщина», дикие помещики) восстановит монархию. Но главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу»³⁷. Отмеченные Лениным особенности первого периода истории Коммуны в полной мере отразились и в политической литературе ЦК Национальной гвардии. В ней с первых же дней наряду с мелкобуржуазными и левореспубликанскими воззрениями выявилась пролетарская тенденция, определившая ее общее идейное направление. Документом, в котором это нашло свое наиболее четкое и выразительное отражение, явилась передовая статья в «Journal officiel» от 21 марта 1871 г. — «Революция 18 марта».

Глубокое обоснование прав французского пролетариата на захват власти, изложенное с исключительной логикой и убедительностью, делает эту статью одним из лучших образцов политической литературы коммунаров. Написанная в самые первые дни после победы революции, она показывает, что уже в это время наиболее сознательные представители французского рабочего класса хорошо понимали историческую освободительную миссию пролетариата, решавшего в парижской революции и общенациональные задачи, и задачу освобождения своего класса. Маркс высоко оценил статью «Революция 18 марта» (он называл ее манифестом Центрального комитета). Ставя коренной вопрос своего исследования гражданской войны во Франции «Что же такое Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую загадку буржуазным умам?»³⁸, Маркс для ответа использовал также основные положения этой статьи.

Политические документы ЦК были проникнуты последовательным республиканизмом, они разоблачали антинародную, провокационную политику правительства Тьера, обосновывали законность его свержения, утверждали правомочность прихода к власти правительства народа, правительства рабочего класса. Эти документы были весьма различны по глубине осмысления политических событий. Среди неотложных дел по укреплению завоеванных позиций они составлялись поспешно, не всегда, быть может, до конца продуманно с точки зрения выводов, которые из них можно было сделать. Но несмотря на пестроту взглядов, на неопределенность и нечеткость формулировок, на применение терминологии, которая уже сама по себе говорит о незрелости ряда политических суждений и взглядов, несмотря на слабость в некоторых случаях теоретического осмысления событий, несмотря на все эти недостатки, обусловленные в основном тем, что, как писал В. И. Ленин, «не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса»³⁹, воззвания и другие программные документы ЦК Национальной гвардии имели большое общественно-политическое значение. Среди причин, способствовавших росту авторитета ЦК Национальной гвардии после 18 марта, Лиссагарэ называет «его прокла-

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 218.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 339.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 219.

мации, социалистические статьи в «l'Officiel»»⁴⁰. Газета «Le Cri du Peuple» писала о них 21 марта: «Скромные, искренне республиканские, без честолюбивых задних мыслей, они тотчас же завоевали общее признание...» «Почти все эти прокламации,— по словам Арну,— были совершенны как по форме, так и по содержанию, часто отличались истинным красноречием и говорили с народом понятным ему, в одно и то же время ясным, сильным, лаконичным и возвышенным языком»⁴¹.

П. Л. Лавров выделял их из политической литературы «по серьезности тона и по строгому соблюдению начала подчинения Комитета воле парижского народа, по отсутствию пустых фраз»⁴². Лефрансэ с гордостью писал о членах ЦК: «Именно они, эти неучи, создали выдающуюся революционную литературу: их прокламации поражают ясностью, возвышенностью и простотой стиля»⁴³.

Кто же были составители («rédacteurs») политических документов ЦК Национальной гвардии? На первых документах стояли подписи только тех членов Центрального комитета, которые присутствовали на заседаниях, когда утверждался их текст. В дальнейшем, как сообщает Лиссагарэ, было решено перечислять имена всех членов ЦК независимо от их присутствия — еще одно свидетельство того, что документы ЦК — отражение его коллективной мысли и воли⁴⁴. В перечне комиссий ЦК, относящемся к 20-м числам марта 1871 г., имеется упоминание о «Редакционной комиссии»⁴⁵. Однако никакими сведениями о ее деятельности мы не располагаем. Ж. Валлес писал много лет спустя: «19 марта Париж проснулся без правительства. Власть принадлежала всем и никому. Именно Центральный комитет, эта горсточка неизвестных, отдавал приказы, подписывал прокламации, составлявшиеся в одной из зал Ратуши на кончике стола между бутылкой дешевого вина и закуской из свиного студня»⁴⁶.

Сопоставляя сведения доступных нам источников, можно назвать ряд деятелей революции, принимавших в той или иной форме и степени непосредственное участие в создании политической литературы ЦК Национальной гвардии.

Остановимся подробнее на одном из них — Эдуарде Моро, видная, если не центральная роль которого в подготовке политических документов временного революционного правительства отмечается участниками событий⁴⁷ и нашла отражение в современной литературе по истории Коммуны и ее печати⁴⁸. Биограф Эдуарда Моро Марсель Серф, собравший наиболее полную документацию о жизни и деятельности своего героя, пишет, что

⁴⁰ Lissagaray. Op. cit., p. 109.

⁴¹ A. Arnould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris, v. II. Bruxelles, 1878, p. 139.

⁴² П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года. М., 1922, стр. 97—98.

⁴³ G. Lefrançais. Op. cit., p. 479.

⁴⁴ Лиссагарэ перечисляет 42 имени (Lissagaray. Op. cit., p. 109, note). В действительности же на документах ЦК, изданных до избрания Коммуны, их можно насчитать только 39.

⁴⁵ См. «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 478.

⁴⁶ J. Vallès. Le Cri du Peuple. Paris, 1953, p. 353 (из газеты «Le Matin», 19 mars 1884).

⁴⁷ См. A. Arnould. Op. cit., v. II, p. 73; Lissagaray. Op. cit., p. 89—92; M. Vuillaume. Mes Cahiers rouges. Paris, s. a., v. VII, p. 61; v. VIII, p. 111; G. Lefrançais. Op. cit., p. 560; Cluseret. Mémoires, v. I. Paris, 1887, p. 34—35; E. Lepelletier. Op. cit., p. 68. Лавров, однако, сомневался в том, что прокламации ЦК писал Моро — «никому не известный мелкий торговый комиссионер». П. Л. Лавров. Указ. соч., стр. 98.

⁴⁸ См.: G. Bourgin. Les premières journées de la Commune. Paris, 1928, p. 74; M. Dommanget. Blanqui, la guerre de 1870—1871 et la Commune. Paris, 1947, p. 114; M. Cerf. Edouard Moreau, l'âme du Comité central de la Commune. Paris, 1971, p. 107, 131; Н. М. Лукин. Парижская Коммуна 1871 г. (1-е изд., 1922). — Н. М. Лукин. Избр. труды, т. II. М., 1962, стр. 240; П. М. Керженцев. История Парижской Коммуны 1871. 2-е изд. М., 1959, стр. 198; «Парижская Коммуна 1871 года (Время.— События.— Люди)». Под общей ред. А. И. Молока. М., 1970, стр. 177; Н. П. Ефремова. Глашатаи Коммуны.— «Вопросы истории», 1971, № 3, стр. 147.

«все прокламации и афиши первых дней пребывания у власти Центрального комитета или принадлежат перу Эдуарда Моро, или вдохновлены его талантом»⁴⁹.

Жизненный путь Эдуарда Огюста Моро был сложен. Дворянин по происхождению (де Боввер), Моро пробовал свои силы в драматургии, поэзии, музыке, рисовании. Сам он называл себя литератором. Некоторое время жил в Англии, где занимался производством искусственных цветов. В период осады Парижа Моро — рядовой 183-го батальона Национальной гвардии, затем секретарь командира. Избранный членом ЦК Национальной гвардии, Моро отдал все свои силы этой организации на всех этапах ее существования: до победы революции 18 марта, в период осуществления Центральным комитетом функций временного революционного правительства, после избрания Коммуны. Моро занимал важные посты в правительстве Коммуны: возглавлял службу информации, был гражданским комиссаром при военном делегате, затем — директором главного интендантства. 25 мая 1871 г. версальцы расстреляли Моро в казарме Лобо⁵⁰.

В биографии Моро ничто не предвещало столь активного его участия в движении Коммуны. Он был в числе тех «неизвестных», которые, к удивлению всего буржуазного мира, взяли на себя 18 марта ответственность за судьбу французского народа. Политические взгляды Моро формировались стремительно вместе с бурным развитием политических событий во Франции кануна Коммуны. Когда Моро в августе 1870 г. вернулся во Францию и вступил в Национальную гвардию, его действия определялись только патриотическими чувствами. В это время он был далек от революционного движения. В своих письмах он даже не упоминает о революционных событиях 31 октября 1870 г.⁵¹ Предательская политика правительства национальной обороны глубоко потрясла Моро. 8 февраля 1871 г., в день выборов в Национальное собрание, он писал в своем дневнике: «Страшно подумать, что когда шла речь о судьбе и чести Родины, в правящем классе не нашлось ни одного честного человека». Теперь ему ясно, что «предая Францию Пруссии, руководители правительства национальной обороны хотят убить Республику; они боятся, что победа укрепит ее»⁵². Моро отдает всю свою энергию реорганизации Национальной гвардии как наиболее действенной силы, способной оказать сопротивление иноземному захватчику. Его искренний патриотизм, высокий моральный дух, мужество и хладнокровие (они особенно проявились во время известной вылазки при Бюзенвале 19 января 1871 г.) снискали ему уважение и любовь товарищей по батальону⁵³. Командир батальона Буден писал потом, что Моро оказал неисчислимые услуги батальону: «Организация общества взаимопомощи, концерты в пользу бедных, литературные вечера — все было им пущено в ход для достижения одной цели: облегчения жизни бедняков»⁵⁴. Но Моро не остановился на филантропии, хотя она и занимала видное место в его деятельности. Нелзя пройти мимо слов друга Моро Ш. Гуйе, который писал о Моро: «Во время осады он стал заметной личностью благодаря нескольким докладом о коммунизме»⁵⁵. И хотя мы не знаем ни содержания этих докладов, ни что имел в виду Гуйе под коммунизмом, очевидно, что Моро в это время уже вы-

⁴⁹ *M. Cerf. Op. cit., p. 107.* Серф, по-видимому, имел возможность ознакомиться с подлинниками документов ЦК — автографами Моро. Однако он их не называет.

⁵⁰ Очевидцы запомнили последние слова Моро: «Скажите моим друзьям, что я умираю спокойно с сигаретой в зубах». См.: *M. Vuillaume. Op. cit., v. VII, p. 64.*

⁵¹ См. *M. Cerf. Op. cit., p. 76.*

⁵² *Ibid., p. 95.*

⁵³ См. характеристику Моро (29 января 1871 г.), сохранившуюся в делах 183-го батальона. *M. Vuillaume. Op. cit., v. IX, p. 102.*

⁵⁴ Цит. по: *M. Cerf. Op. cit., p. 78.*

⁵⁵ Цит. по: *M. Vuillaume. Op. cit., v. VII, p. 62.*

брал свой путь вместе с одетыми в форму национальных гвардейцев рабочими. Моро живет их интересами, а не интересами правящего класса. Потом он так и напишет в одном из своих писем, что рабочие стали его друзьями. Характерно, что Моро употребляет слово «рабочие», а не «национальные гвардейцы», подчеркивая тем самым социальную принадлежность тех, с кем он общался.

20 февраля Моро пишет жене, что он «замешан во многих делах»⁵⁶. Моро играет крупную роль в массовом политическом движении парижских трудящихся в конце февраля. 26 февраля он руководит своим батальоном, перетаскивавшим пушки из района Ваграмской площади на Вогезскую площадь. В эти дни Моро считал, что ЦК Национальной гвардии может захватить Ратушу. «Каждые пять минут я писал в центр: не довольствуйтесь обороной, атакуйте, атакуйте всей силой войска и одновременно захватите Ратушу...» — рассказывал потом Моро в письме жене⁵⁷. В начале марта его избрали членом ЦК Национальной гвардии. 11 марта в неоякобинской газете «Le Vengeur» было опубликовано письмо-статья Моро, в котором он выражал возмущение отношением к ЦК правящих кругов Франции.

Наступило 18 марта. Моро был убежден в законности восстания и принял в нем активное участие. Вечером он был среди членов ЦК, вступивших в Ратушу первыми.

До сих пор никто лучше и точнее, чем Лиссагарэ, не описал, что происходило в Ратуше в ночь с 18 на 19 марта, когда многие члены ЦК не решались оставаться в Ратуше, считая, что у них нет правительственных полномочий. «...Никто из них не мечтал об этой власти, которая так тяжело упала на их плечи. Спор возобновлялся с каждым вновь пришедшим. Наконец Эдуард Моро, еще молодой человек, навел порядок в идеях. Было решено, что нельзя бросать завоеванный пост, но что они здесь останутся только для того, чтобы произвести выборы, самое большое два или три дня. Теперь же нужно готовиться к возможной атаке»⁵⁸. Таким образом, революционная решительность Моро сыграла определенную роль в успешном завершении восстания 18 марта, в том, что ЦК Национальной гвардии начал фактически осуществлять функции временного революционного правительства. Однако, приняв решение остаться в Ратуше, члены ЦК Национальной гвардии сразу же ограничили себя сроком, необходимым для проведения выборов в Коммуну, т. е. они заведомо рассматривали себя как временную власть. Уже в самых первых программных документах ЦК, изданных 19—20 марта, ЦК усиленно подчеркивал, что он стремится как можно скорее передать власть, уступить дорогу Коммуне. В этой ошибочной позиции ЦК проявилось непонимание со стороны членов ЦК своих полномочий как революционного органа власти, представляющего вооруженный народ Парижа и призванного осуществить необходимые преобразования в интересах народа, во имя полной победы революции.

Рассмотрим некоторые аспекты политической позиции Морс в первые дни революции, как они представляются, судя по его письмам и по трем воззваниям ЦК от 19 марта⁵⁹. В этот день Моро после бессонной ночи председательствует на первом официальном заседании ЦК, открывшемся в 8 час. 30 мин. утра, составляет документы. ЦК поручает ему наблюдение

⁵⁶ Цит. по: *M. Cerf. Op. cit.*, p. 97.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 99.

⁵⁸ *Lissagaray. Op. cit.*, p. 87—88.

⁵⁹ Имеются в виду два первых воззвания ЦК, напечатанные в виде афиш 19 марта, и третье воззвание (в литературе его часто называют декларацией), опубликованное 20 марта в «*Journal officiel*» (с него начиналась официальная часть газеты) и в виде афиши № 5. Судя по всем данным, на Моро пала львиная доля участия в их составлении. Третье воззвание бесспорно принадлежит его перу. Уже Вийом заметил, насколько весь стиль воззвания был в духе Моро. Это особенно видно при текстуальном сопоставлении воззвания и письма Моро от 25 марта, приводимого ниже.

за официальной печатью. Преисполненный сознания высокой ответственности, Моро пишет своему близкому другу в ночь с 19 на 20 марта: «Мы добились успеха, и я жив. Бывает же так? Если в создавшейся совершенно исключительной ситуации со мной что-либо случится, скажите моему сыну, что его отец заседал в Ратуше и подписывал декреты»⁶⁰.

Через несколько дней Моро обращается к другу с более пространном письмом⁶¹: «Сейчас я вам объясню, почему до сих пор продолжаю упорствовать. Окончательно я вошел в это движение, имея определенную, твердо поставленную цель. Однажды я сказал вам: «Это лишь вопрос времени», но я хотел, чтобы это время не пропало даром. Либо вы просто слепы, либо должны были видеть, что лишь какое-то важное решение могло заставить меня выйти из мрака безвестности, которая для меня является своего рода гордостью человека с чистой совестью. Я знаю, что во время таких радикальных революций, как эта, ненависть и честолюбие быстро выступают на первое место; знаю, что слово, которое при этом забывают прежде всего,— это «братство», и мне хотелось в этом полыхающем костре потушить хотя бы одну искру. Каждую минуту я употреблял на то, чтобы связать рвущуюся нить; каждое мое слово несло в себе идею примирения. Десятки раз я одним словом или действием предотвращал кровопролитие. Под действием я имею в виду просто мое присутствие среди рабочих, моих братьев, которые стали для меня друзьями. На Вогезской площади мы были часто на волоске от того, чтобы не загремели выстрелы. Когда меня ввели в Ратушу, я пытался на заседаниях помочь народу, который я люблю, совершить свою великую мирную революцию с величием, свойственным пробуждающемуся от двадцатилетней спячки льву. Я представлял себе, как он, простой и могучий, поднимается до уровня правительства, а потом в назначенный срок честно слагает свои полномочия. Когда выборы были назначены и меня выдвинули кандидатом, я публично отклонил этот мандат и отказался от места, которое мне предоставлял триумф. На завтра я получил по этому поводу ваш совет. Вы видите, что мы понимаем друг друга лучше, чем вы думали. Если говорить коротко, буржуазия не захотела делать уступки, а ведь в действительности она должна была бы их сделать — и большие; она не захотела искренне включиться в народное дело. Не исключено, что ее злая воля парализует усилия даже тех, кто преисполнен самых лучших намерений. Посмотрим. Во всяком случае, я повторяю вам это еще раз, если мой сын, мой дорогой Абель, останется без меня, передайте ему поцелуй его отца, поцелуй человека разбитого, но честного. Обнимаю вас. Эдуард Моро»⁶².

В работе М. Шури это письмо расценено как ответ другу, будто бы упрекающему Моро в сотрудничестве с народом. Выборочно цитируя письмо, Шури усмотрел в нем лишь стремление к соглашению с буржуазией⁶³. С этим согласиться нельзя. Из текста письма видно, что Моро с любовью относился к рабочим, что он гордился народом, совершающим революцию «с величием, свойственным пробуждающемуся от двадцатилетней спячки льву». Весьма симптоматичен конец письма. Если у Моро раньше и были иллюзии в отношении буржуазии, то теперь они явно начали изживаться. Письмо написано в критический для Моро момент, когда он принял ре-

⁶⁰ Цит. по: *M. Vuillaume. Op. cit., v. VII, p. 129.* Это письмо, как и приведенное ниже, было направлено Каролине Страус, которая работала во время франко-прусской войны в обществе гражданских санитарок «*Sœurs de France*», продолжала ухаживать за ранеными в Париже в дни Коммуны и была свидетелем ареста Моро версальцами.

⁶¹ Письмо датировано «25 марта, 1 ч. утра». Написано на официальном бланке «Департаментского управления и парижской мэрии». Цит. по: *M. Vuillaume. Op. cit., v. VIII, p. 130—131.* См. также *М. Шури. Указ. соч., стр. 230.*

⁶² Далее цит. по *М. Cerf. Op. cit., p. 110.*

⁶³ *М. Choury. Op. cit., p. 199.*

шение не выставлять свою кандидатуру на выборах в Коммуну⁶⁴. Как вытекает из письма, его друг именно так и советовал ему поступить, и Моро с удовольствием подчеркивает общность их взглядов на этот вопрос. Психологическая линия письма помогает выявить политическую позицию автора и неразрывно с ней связана. Отказываясь от выдвижения своей кандидатуры на выборах в Коммуну, Моро пытался личным примером доказать полное отсутствие корыстных интересов у членов Центрального комитета. К Моро в полной мере можно отнести следующее высказывание Маркса о ЦК Национальной гвардии: «Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности»⁶⁵.

Уже в самом первом воззвании ЦК от 19 марта (афиша № 1), торжественно провозгласившем, что «народ Парижа сбросил иго, которому пытались его подчинить», сообщалось, что «народ Парижа приглашается в свои секции для проведения коммунальных выборов». Во втором воззвании (афиша № 2) указывалось, что Центральный комитет «не собирается занять место тех, кого смела буря народного негодования, что он остается, как и был, группой лиц, которые имеют право принимать меры для самозащиты». Эти же слова текстуально повторялись в начале третьего воззвания (афиша № 5). Идея о том, что ЦК должен сложить свои полномочия, чтобы передать их новым избранникам народа, была выражена и в риторическом заключении третьего воззвания. Обращаясь к народу, ЦК заявлял: «Вот мандат, который ты нам доверил. Там, где могут появиться личные интересы, долг говорит, что надо кончать. Твори теперь сам свою волю. Ты теперь освободился, наш повелитель. Мы же, еще несколько дней тому назад никому не известные, столь же неизвестными вернемся в твои ряды и покажем правителям, что можно с поднятой головой спуститься по ступеням твоей Ратуши, с уверенностью зная, что внизу нас ждет пожатие твоей честной и крепкой руки». Эту эффектную концовку с жаром подхватила революционная пресса. Ж.-Б. Клеман писал в «*Le Cri du Peuple*» 21 марта, что вся прокламация великолепна, а эти слова «можно повторять бесконечно»⁶⁶.

Но стремясь как можно скорее уступить дорогу Коммуне, ЦК в то же время фактически действовал как временное революционное правительство, как орган власти, представляющий вооруженный народ Парижа. Этот момент также нашел известное отражение в документах ЦК. В его третьем воззвании впервые обосновывалась правомочность ЦК на свержение правительства Тьера, на руководство движением. Воззвание подчеркивало, что Центральный комитет действовал не тайком. «Имена его членов значатся на всех его афишах. Если имена эти и негромки, зато носители их не уклонились от ответственности, а она была велика. Он не являлся неизвестной организацией, ибо был создан свободным волеизъявлением, голосами 215 батальонов Национальной гвардии»⁶⁷. В сущности эта аргумента-

⁶⁴ «Получив определенные полномочия, я их выполнил и слагаю в назначенный день, чтобы доказать, что я умею держать слово. Я не столь известен в демократии, чтобы брать на себя новую миссию, не предъявив доказательства своей полной ей преданности...», — писал Моро в письме главному редактору «*Le Cri du Peuple*» в ответ на выдвижение своей кандидатуры по IV и VIII округам. Цит. по: *F. Maillard*. *Op. cit.*, p. 142. См. также записку Гуйе о Моро, где он рассказывает, что 26 марта Моро предложил членам ЦК не выдвигать себя кандидатами в члены Коммуны. См.: *M. Vuillaume* *Op. cit.*, v. VII, p. 62.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

⁶⁶ «*Le Cri du Peuple*», 21.III 1871.

⁶⁷ Воззвание далее опровергало различные клеветнические вымыслы: реакции: «Впрочем, нам даже совестно оправдываться. Ведь наше поведение само говорит за себя. Разве мы домогались окладов или почестей?» Характерно, что когда на дневном заседании ЦК 19 марта кто-то заговорил о повышении вознаграждения, то именно Моро запротестовал, заявив: «Когда не существует ни контроля, ни сдерживающей

ция сама по себе могла послужить достаточным обоснованием деятельности ЦК как революционного правительства, имеющего все права на осуществление необходимых преобразований, поскольку оно представляло большинство вооруженного народа Парижа. Именно таковым и считали его некоторые члены ЦК. В одном из своих писем в апреле Моро прямо говорит о том, что ЦК находился в Ратуше в качестве «временного правительства» и управлял Парижем «sans reproches et sans remords»⁶⁸.

Был ли Моро в ночь с 18 на 19 марта в числе сторонников немедленного похода на Версаль? Долгое время в историографии Коммуны это не вызывало сомнений. Следуя Гастону Да Коста, который назвал Моро среди тех, кто считал, что надо «не мешкая организовать поход на Версаль»⁶⁹, Буржен, а за ним М. Домманиже вообще причисляли Моро к бланкистам. С критикой этой точки зрения выступил М. Шури, давший в целом резко отрицательную, но весьма спорную оценку роли Моро в событиях Парижской Коммуны⁷⁰. М. Шури справедливо отверг принадлежность Моро к бланкистам. Тем не менее Моро вполне мог быть вместе с бланкистами — сторонниками немедленного похода на Версаль. Окончательного суждения по этому поводу в настоящее время вынести нельзя. Так, против представления о Моро как о примирителе во что бы то ни стало выступает М. Серф. Он утверждает, что Моро был среди наиболее решительных членов ЦК и командиров отрядов Национальной гвардии, которые предлагали немедленно идти на Версаль, чтобы разогнать Национальное собрание и призвать всю Францию присоединиться к Парижу. Серф аргументирует это не только революционной решительностью Моро в конце февраля 1871 г. и в день 18 марта, но и ссылками на некоторые неопубликованные материалы⁷¹.

Как мы видели выше, Моро в письме от 25 марта всячески подчеркивал свою роль в осуществлении революции мирным путем, «великой мирной революции» (заметим, что именно это дало повод Шури сомневаться в революционности Моро). Стремление избежать гражданской войны провозглашалось во многих документах ЦК. Уже первое воззвание заявляло, что «...Париж и Франция должны вместе заложить основы Республики, единодушно одобренной, со всеми ее последствиями — единственной формы правления, которая навсегда положит конец эре нашествий и гражданских войн». Провокационным действиям правительства Тьера противопоставлялась выдержанная позиция представителей вооруженного народа, не допускавших кровопролития и эксцессов. Об этом красноречиво писало третье воззвание, которое аргументированно показало всю глубину пропасти между правительством Тьера, не перестававшим «самыми позорными средствами подготавливать тягчайшее из всех преступлений — гражданскую войну», и ЦК Национальной гвардии, «избравшим своим девизом великое слово «братство»».

Однако для Моро, как и для других коммунаров, иллюзорные надежды на предотвращение гражданской войны не означали капитулянтской позиции. Моро в данном случае выражал взгляды широких кругов па-

узды... безирравственно назначать самим себе какое-нибудь жалованье. Жили же мы до сих пор на наши 30 су. Хватит их нам и дальше» (*Lissagaray*. Op. cit., p. 90). Заметьте, что бескорыстное поведение Моро не вяжется с фальсификаторскими измышлениями Дю Кана, который посвятил Моро несколько якобы хвалебных страниц. Недоумевая, как такой интеллигентный человек «затесался в этой банде», Дю Кан клеветнически утверждал, что движущими стимулами для Моро были жажда власти и богатства. Дю Кан вообще всячески подчеркивал особую роль Моро в революции, заявляя, что Тьер считал Моро «l'Eminence grise de la révolte» (*M. Du Camp*. Les convulsions de Paris, t. IV. Paris, 1880, p. 138).

⁶⁸ См.: *M. Cerf*. Op. cit., p. 123.

⁶⁹ *G. Da Costa*. Op. cit., t. I, p. 145—146.

⁷⁰ *M. Choury*. Op. cit., p. 186 et suiv.

⁷¹ *M. Cerf*. Op. cit., p. 14, 276.

рижского населения, которое, по словам Арну, в своей массе «так же горячо хотело избежать гражданской войны, как и было полно решимости отстаивать свои права, добиться справедливости, построить новую жизнь...»⁷² Встречающееся в личной переписке Моро утверждение, что он десятки раз мешал пролитию крови (возможно, это отвечало настроениям его адресатов — друга и жены), не исключало понимания им необходимости решительных наступательных действий против Версаля. Приведем записку Моро (без даты), которая относится к 3 апреля 1871 г.: «Мы уходим на Версаль. До скорого. Я надеюсь». Вийом, опубликовавший эту записку, писал: «Если почерк когда-либо выдает мысли, то почерк Эдуарда Моро в этот день был подлинным выражением его энтузиазма. Обычно узкий и мелкий, его почерк здесь широкий, высокий, повелительный. «V» в слове Версаль гордо раскидывает свои ветви. Чувствуется, что при написании этой воинственной буквы Эдуард Моро, думая о Версале (Versailles), думал о Победе (Victoire)»⁷³.

В заключение приведем выдержки из записки о Моро его близкого друга Шарля Гуйе. Написанная через много лет после событий, она, тем не менее, может служить ценным свидетельством, так как говорит не о деталях, не о хронологии событий, а характеризует общий облик, принципиальную линию поведения человека, с которым Гуйе провел бок о бок все дни Коммуны. Сам Гуйе, ветеран июньских боев 1848 г., в дни Коммуны член ЦК Национальной гвардии, был, по словам Вийома, «типичным представителем рабочих прежних лет, даже без первоначального образования, не знакомых с тонкостями литературы, но преисполненных идеалов, всегда готовых к борьбе, сохраняющих до последнего дня своей жизни веру юношеских лет»⁷⁴. Гуйе писал о Моро: «Мне повезло иметь его товарищем в Центральном комитете. Это был один из тех, кто своим полным бескорыстием вызывал уважение товарищей, а как наиболее ученый (он получил высшее образование) был для них одним из самых полезных». «... Преданность делу Коммуны заставила его забросить свои дела. Как и мы, рабочие, он ставил на карту все свое будущее, которое для него, молодого и ученого, он знал, могло быть столь блестящим. Но это был человек, убежденный в будущем рабочего класса»⁷⁵.

Один из активнейших деятелей ЦК Национальной гвардии, искренне преданный интересам рабочего класса, делу его освобождения, Моро не был революционером с устоявшимися политическими взглядами. Последовательный республиканец и демократ, пламенный патриот, этот рафинированный интеллигент, оказавшись среди национальных гвардейцев — вооруженных рабочих, проникся их интересами и стал, в известной мере, одним из идеологов временного революционного правительства. В какой степени на содержании программных документов ЦК отразились политические воззрения лично Моро, сказать трудно. Нам кажется, однако, явным преувеличением мнение М. Серфа, что «именно Моро придал декларациям Центрального комитета «социальное звучание»»⁷⁶. И дело не только в том, что не один Моро их составлял. Большую лепту в определение и обоснование политической линии ЦК вложили многие его деятели, в том числе и те, кто, быть может, и не сидел с пером в руках. Вся атмосфера, в которой протекала деятельность ЦК, способствовала тому, чтобы каждый документ

⁷² A. Arnould. Op. cit., v. II, p. 48. Небезынтересно отметить, что вопрос о возможности избежать гражданской войны был одним из центральных в корреспонденциях Э. Золя, публиковавшихся в буржуазной газете «La Cloche» См. С. М. Маневич. Эмиль Золя — корреспондент газеты «La Cloche» в дни Коммуны 1871 г. — В кн.: «Европа в новое и новейшее время». М., 1966, стр. 293—308.

⁷³ M. Vuillaume. Op. cit., v. VIII, p. 143.

⁷⁴ Цит. по: M. Vuillaume. Op. cit., v. VII, p. 59.

⁷⁵ Ibid., p. 61—62.

⁷⁶ M. Cerf. Op. cit., p. 108.

ЦК, при всей индивидуальности его составителя, являлся в той или иной степени результатом коллективной мысли, воли, таланта.

Остановимся кратко на других членах ЦК Национальной гвардии, принимавших участие в подготовке программных документов ЦК. Сведения о них отрывочны, порой противоречивы и могут рассматриваться лишь как ориентировочные данные.

Видный деятель французского рабочего движения, один из организаторов секций Первого Интернационала во Франции, Эжен Варлен придавал большое значение печатной информации и пропаганде. Его роль в решении временным революционным правительством важнейших политических вопросов не могла не оказать влияния и на содержание правительственных документов. Лепеллетье утверждает, что Варлен и Арнольд рано утром 20 марта (после переговоров представителей ЦК с мэрами) принесли в редакцию «*Journal officiel*» написанную ими прокламацию⁷⁷. Это был первый документ ЦК, четко сформулировавший тот факт, что ЦК взял на себя правительственные функции. «Новое правительство Республики,— говорилось в прокламации,— взяло в свои руки все министерства и все административные органы».

Архитектор Жорж Арнольд был из тех деятелей ЦК, кто особенно хорошо понимал силу печатного слова в укреплении позиций революционного правительства. Он составлял важные политические документы ЦК накануне революции⁷⁸. Цитировавшаяся выше его записка (от 18 марта) к Асси свидетельствует о значении, которое Арнольд придавал оперативному обнародованию документов революционного правительства.

Известную роль в составлении документов ЦК сыграл, по-видимому, Юбер Жерем — рабочий-столяр, активный член ЦК Национальной гвардии. Лепеллетье приписывал ему авторство заявления о непричастности ЦК к расстрелу генералов Клемана Тома и Леконта, Ланжаллэ и Коррье — авторство (совместно с Асси) заключительного воззвания ЦК к населению Парижа о передаче власти Коммуне (афиша № 37)⁷⁹. В «Отчетах» о заседаниях ЦК, публиковавшихся бонапартистской газетой «*Paris-Journal*»⁸⁰, помимо указанных, назывались еще два документа как составленные Жеремом⁸¹. «Биограф» коммунаров, реакционер Делион раздраженно вопрошал: «Совершенно непонятно, почему ЦК поручил Жерему составлять прокламации? Как этот невежа мог удовлетворить коллег?»⁸² Тот факт, что простой рабочий без образования и навыков литературной работы вложил свою лепту в создание политической литературы Коммуны, для реакционных историков казался совершенно необъяснимым. Участие в составлении документов ЦК общеполитического характера принимали также А.-А. Асси, Шуто и другие члены ЦК.

⁷⁷ Она была напечатана в тот же день без даты и подписи в неофициальной части газеты. См.: *E. Lepelletier. Op. cit., t. II, p. 97—98.*

⁷⁸ См.: «*Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français*». Publ. sous la dir. de J. Maitron, t. IV. Paris, 1967, p. 135.

⁷⁹ *E. Lepelletier. Op. cit., t. II, p. 111; P. Lanjalley et P. Corriez. Histoire de la Révolution du 18 mars. Paris, 1871, p. 155.* Другие современники считают, однако, что эти документы составил Моро. О первом документе см. *Lissagaray. Op. cit., p. 92*, о втором — *Cluseret. Op. cit., v. I, p. 35* (Клюзере пишет, что Моро составлял прокламацию в его присутствии).

⁸⁰ Эти «Отчеты», неполные, неточные, а подчас и просто сфабрикованные, могут представлять интерес как определенный резонанс на то, что происходило на заседаниях ЦК. «Отчеты» были объединены в брошюре *J. d'Arsac. Les conciliabules de l'Hôtel-de-ville. Comptes-rendus des séances du Comité central et de la Commune. Paris, 1871.* Этот текст частично расходится с аналогичной публикацией в «*Le Livre noir de la Commune de Paris (dossier complet). L'Internationale dévoilée*». Bruxelles, 1871—анонимной брошюре, насыщенной злобными выпадами против Коммуны и включающей ряд заведомо подложных документов.

⁸¹ «*Le Livre noir...*», p. 108—109, 113, 126, 129; *J. d'Arsac. Op. cit., p. 2, 6, 15.*

⁸² *P. Delion. Les membres du Comité central et de la Commune. Paris, 1871, p. 104.*

Определенную роль в создании официальной политической литературы после революции 18 марта сыграли делегаты Центрального комитета в «*Journal officiel*» и их помощники.

Среди них прежде всего следует назвать Шарля Лонге. Член Генерального Совета Первого Интернационала, прудонист Лонге был к этому времени уже хорошо известен в среде французских социалистов и демократов. Публицист Анри Белланже характеризовал его (в статье, опубликованной в неоякобинской газете «*Le Vengeur*» от 1 апреля 1871 г.) как человека «серьезного, ясного ума, склонного к размышлениям и познанию». Талантливый журналист Лонге в годы Второй империи сотрудничал в демократических изданиях. Во время осады Парижа он — командир 248-го батальона Национальной гвардии, член ЦК 20 округов. 18 марта во главе своего батальона занял подступы к Пантеону, взял Люксембургский дворец. Лонге не был членом ЦК Национальной гвардии, и это в какой-то мере должно было ограничивать его возможности непосредственного участия в разработке программных документов ЦК. Официально он занимал пост правительственного делегата в «*Journal officiel*» с 27 марта по 12 мая. Но и до этого Лонге активно сотрудничал в газете. «Лонге... был в «*Journal officiel*» с 18 марта; он являлся автором передовых статей, объяснявших значение пролетарской революции»⁸³, — утверждал Бенуа Малон. В официальной информации о положении дел в «*Journal officiel*», опубликованной 31 марта, сказано, что «члены ЦК неоднократно предлагали Лонге взять на себя руководство газетой», но последний не имел возможности вначале его осуществлять. Лепеллетье отмечал как общеизвестный факт, что Лонге составил ряд прокламаций ЦК и опубликовал блестящие статьи в «*Journal officiel*»⁸⁴. Лиссагарэ называл Лонге среди тех, кто в этой газете объяснял сущность революции 18 марта⁸⁵. Клер, автор враждебной коммунарам брошюры, которая, однако, содержит полезный фактический материал, отмечал, что «Лонге действительно составлял прокламации Центрального комитета»⁸⁶. Следует еще указать на то, что, как свидетельствуют источники, использованные в статье Наме, Лонге способствовал публикации документов ЦК в Национальной типографии, т. е. занимался вопросами официальной печати временного революционного правительства в самом широком плане⁸⁷. Имя Лонге неотделимо не только от «*Journal officiel*» Коммуны, но и непосредственно от политической литературы ЦК Национальной гвардии.

До Лонге газетой «*Journal officiel*» официально руководили вначале, по-видимому, Жан Жозеф Барбере⁸⁸ и Эмиль Лебо вместе (один-два дня)⁸⁹, затем в течение нескольких дней — Лебс. Передовая от 20 марта 1871 г. «К департаментам» была подписана «Делегаты...». Роль Ле-

⁸³ B. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. Neuchâtel, 1871, p. 314—315.

⁸⁴ E. Lepelletier. Op. cit., t. II, p. 126. В частности, Лепеллетье считал Лонге автором передовой статьи «Париж имеет право», опубликованной 22 марта (ibid., p. 414). О Лонге как о составителе отдельных документов ЦК, в том числе передовых статей в «*Journal officiel*» до 28 марта, см. также: Н. М. Лукин. Указ. соч., т. II, стр. 230, 255; G. Bourgin. Les premières journées de la Commune, p. 95; G. Laronze. Histoire de la Commune de 1871 d'après des documents et des souvenirs inédits. La Justice. Paris, 1928, p. 115.

⁸⁵ Lissagaray. Op. cit., p. 103.

⁸⁶ J. Clère. Les hommes de la Commune. Paris, 1871, p. 124.

⁸⁷ См. G. Namet. Op. cit., p. 353—354.

⁸⁸ О Барбере см. «Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français», t. IV. Paris, 1967, p. 183; «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года», т. I, стр. 256.

⁸⁹ По сведениям Ж. Буржена, в Исторической библиотеке Парижа хранятся два письма от 20 марта 1871 г. Одно за подписью Барбере, другое — Лебо. Из писем видно, что в один и тот же день каждый из них принял на себя обязанности директора «*Journal officiel*». См.: Procès-verbaux de la Commune de 1871. Ed. critique par G. Bourgin et G. Henriot, t. 1. Paris, 1924, p. 337, note 7.

бо в газете не совсем ясна. Возможно, что ему иногда и приходилось вносить некоторые поправки в материалы, поступавшие в большой спешке из ЦК, но все же, надо полагать, что сколько-нибудь существенную редакционную работу он не делал⁹⁰.

Первые два-три дня после революции 18 марта в «*Journal officiel*» сотрудничал мелкобуржуазный публицист, социалист неопределенного направления Пьер Везинье. Характерно, что номера этой газеты от 21 и 22 марта содержали рекламные объявления о его сочинениях. Возможно, что Везинье был составителем передовой статьи «К департаментам»⁹¹. Ему приписывалось также авторство опубликованной в официальном органе ЦК 21 марта прокламации «Коммунальные выборы», в которой содержался призыв голосовать на выборах в Коммуну за республиканцев и социалистов⁹². Некоторую помощь в редактировании материалов ЦК, поступавших в «*Journal officiel*», возможно, оказывал также журналист Пьер Дени⁹³.

Особый интерес представляет установление авторства наиболее значительного и теоретически зрелого документа первых дней пребывания ЦК у власти — уже упоминавшейся передовой статьи в «*Journal officiel*» — «Революция 18 марта». В настоящее время состояние источников не позволяет сделать окончательный вывод. Подпись «Делегат в «*Journal officiel*»» не облегчает задачу, во-первых, потому что неизвестно, кого именно следует считать делегатом для номера газеты от 21 марта, во-вторых, очевидно, что ни Барбере, ни Лебо сами не могли написать эту статью, являющуюся выдающимся произведением политической литературы коммунаров. В статье обращает на себя внимание не только ее глубокое идейное содержание, ее цельность и логика в обосновании прав французского пролетариата на захват власти 18 марта, ее последовательность в определении классовых задач революции. Статья примечательна также четкой терминологией, способствовавшей более точному выражению сущности революции 18 марта. Во всех других политических документах ЦК наиболее распространенным обозначением и тех, кто совершал революцию, и тех, для блага которых она совершалась, был термин «народ». В зависимости от контекста этот термин мог иметь и широкое, и более узкое значение. Но слово «рабочий» встречается крайне редко⁹⁴, а слова «пролетарии», «пролетариат» вообще отсутствуют. В рассматриваемой же статье слово «пролетариат» встречается 4 раза, «пролетарии» («*d'obscures prolétaires*», «*les prolétaires de la capitale*») — 2, «рабочие» («*les travailleurs*») — 4, что

⁹⁰ Торговый служащий, ставший во время осады вначале младшим лейтенантом, затем подполковником 6-го легиона Национальной гвардии, Эмиль Лебо настолько увлекся новым для него видом деятельности в газете, что после назначения Лонге не только не хотел уступать ему свой пост, но и публично протестовал, утверждая, что именно он, Лебо, был тем, кто «неизвестный в журналистике придал «*Journal officiel*» его революционный облик и кто с согласия Центрального комитета составил все декреты, придавшие движению 18 марта его истинный смысл». Это заявление Лебо вызвало официальное опровержение, опубликованное в «*Journal officiel*» 31 марта, в котором указывалось, что «большинство Комитета никогда не поручало Лебо быть постоянным делегатом в редакции «*Journal officiel*»». См. *Ch. Livet. Le Journal officiel de Paris pendant la Commune. Paris, 1871, p. 9*. Имя Лебо встречается в газете один раз, 24 марта. Предупреждение о привлечении к ответственности граждан, подкупленных бонапартистскими и орлеанистскими агентами, было подписано: «За Центральный комитет Э. Лебо, делегат в «*Journal officiel*»».

⁹¹ См. *P. Lanjalley et P. Corriez. Op. cit., p. 68; Ch. Livet. Op. cit., p. 9—10; F. Damé. La résistance. Les maires, les députés de Paris et la Comité central du 18 au 25 mars. Paris, 1871, p. 97*.

⁹² См. *Ch. Livet. Op. cit., p. 9*.

⁹³ См. *E. Lepelletier. Op. cit., t. II, p. 116, 380*.

⁹⁴ В прокламации, опубликованной без названия и подписи в неофициальной части «*Journal officiel*» 21 марта («*Vous, ouvriers*»), в прокламации от 21 марта — афиша № 22 («*L'avènement du monde des travailleurs*»), опубликованной в газете 25 марта; в прокламации от 25 марта — афиша № 31 («*Le travailleur*»), опубликованной в газете 27 марта.

само по себе выделяет ее из всей политической литературы ЦК. Судя по всей остальной политической литературе коммунаров этих дней и по тому, что известно о составителях программных документов ЦК, трудно приписать авторство этой статьи одному лицу. Более вероятно, что она явилась результатом коллективного творчества. Лиссагарэ, не уточняя, цитировал эту статью как «первую из превосходных статей, в которых Моро, Рожар, Лонге давали истолкование (сущности) новой революции»⁹⁵. Лепеллетье считал автором статьи П. Везинье⁹⁶, Ж. Буржен полагал, что ее написал Шарль Лонге⁹⁷. В данном случае представляется наиболее вероятным соавторство Моро и Лонге, возможно, при участии других лиц.

Помимо программных документов, публиковавшихся от имени ЦК в целом или его делегатов в «*Journal officiel*», в эти дни было издано также несколько документов общеполитического характера за подписью деятелей революции (не обязательно членов ЦК), которым ЦК поручил определенные правительственные посты.

21 марта в официальной части «*Journal officiel*» была напечатана прокламация делегата при бывшей префектуре полиции Э. Дюваля и его помощников. Известный деятель Интернационала, бланкист, рабочий-литейщик Эмиль Дюваль не занимался литературным трудом. Однако именно он был автором (правда, может быть, не единственным) одного из первых программных документов временного революционного правительства, в котором лаконично и выразительно формулировались его ближайшие задачи. 25 марта в «*Journal officiel*» было напечатано воззвание (афиша № 23), подписанное вновь назначенными командующими Национальной гвардией Брюнелем, Дювалем и Эдом. Командующие заверяли граждан в своей твердой решимости бороться с контрреволюцией: «Теперь не время для разговоров: надо действовать и сурово расправиться с врагами Республики. Кто не с нами, тот против нас». 25 марта в «*Journal officiel*» была опубликована предвыборная прокламация (афиша № 28), подписанная делегатами ЦК при министерстве внутренних дел, бланкистами, членами Интернационала Антуаном Арно и Эдуаром Вайяном. Арно — железнодорожный служащий, затем журналист. Вайян — врач, физик и математик, один из наиболее образованных деятелей Коммуны. Прокламация настоятельно призывала всех граждан принять участие в выборах.

Мы попытались очертить круг основных лиц, принимавших участие в составлении программных документов ЦК после прихода его к власти. Нет сомнения, что введение в научный оборот новых источников поможет уточнить их роль и расширить состав. Но и то, что уже известно, показывает, что политическая литература ЦК — это результат напряженной творческой деятельности людей, которые, отличаясь между собой принадлежностью к различным политическим направлениям, были едины в стремлении выразить интересы рабочего класса, трудящихся, французского народа. Одни из них обладали высоким профессиональным мастерством, другие впервые взялись за перо, но всех их, призванных революцией к государственной деятельности, объединяли высокий пафос революционных свершений, вера в торжество рабочей революции, поиски путей для ее победы.

⁹⁵ Lissagaray. Op. cit., p. 103. Демократический публицист Луи Огюст Рожар снискал себе известность в последние годы Второй империи на шумевшим памфлетом против Наполеона III «Речи Лаблена». После революции 18 марта он начал сотрудничать в прудонистской газете «*La Commune*». Кроме упоминания Лиссагарэ и старых журналистских связей, которые были у Рожара с Лонге (они вместе издавали газету «*La Rive gauche*», в которой в 1865 г. был опубликован памфлет Рожара), ничто больше не свидетельствует о причастности Рожара к авторству передовых статей в «*Journal officiel*».

⁹⁶ E. Lepelletier. Op. cit., t. II, p. 133. См. также: Ch. Livet. Op. cit., p. 11.

⁹⁷ G. Bourgin. Les premières journées de la Commune, p. 95.

Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна документы, исследования, публицистика:

Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Арну. Народная история Парижской Коммуны (Пг., 1919)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М.: госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Э. Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
СН.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
Бессмертная Коммуна. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны (М., 1928)
В.Арендт. Дни Коммуны 1871 года (М.: ЦК МОПР. 1929)
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М., 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отв.ред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны (Л., 1924)
А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году (М.: ЦК МОПР. 1936)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К.Пельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны (М.: Худ.лит-ра. 1947)
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М., 1961). Тт.1,2.
И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны (М.-Л.: Наука. 1964)
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.)
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции (М.. 1956)
Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)
О.Вайнштейн. История Парижской коммуны (М., 1932)
М.Шури. Париж был предан: истоки парижской коммуны (М., 1961)
М.Шури. Коммуна в сердце Парижа (М., 1970)
С.Б.Кан. Правительство Тьера и подготовка революции 18 марта 1871 года
Н.Сидорова. Политические клубы Парижа накануне Коммуны 1871 года
П.Антокольский. Коммуна 1871 года (поэма)
О. Вилье де Лиль-Адан. Произведения времен Парижской Коммуны
Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).
Радиопередачи к 140-летию Парижской коммуны

Эти материалы можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

http://cornmunity.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>